



Владимир Шарик

журналист по вызову

ПИСЬМО
из прошлого

Журналист Михаил Чередниченко получает письмо от бывшей своей одноклассницы Вали Лученок письмо, в котором она просит приехать к ней. Он не смог сначала приехать к ней в деревню, так как был связан с работой в редакции, ибо шли очередные выборы.

Он приехал в родное село через месяц, но Валу он не застал в живых. Её мама, Нина Петровна, убита горем и уверяет Мишу, что Валя не могла покончить жизнь самоубийством, поэтому она просит его заняться независимым расследованием. Журналист, которого с девушкой связывали нежные юношеские чувства, начинает свое расследование...

Владимир Шарик

Письмо из прошлого

Письмо пришло на старый мой адрес. В наше время, когда всё компьютеризовано и телефонизировано, странно получать почтовые конверты с указанием твоего адреса и адреса отправителя, хотя в этом есть какая-то неуловимая связь. Я прочитал обратный адрес и в моей памяти возникли картинки моего далекого прошлого, школьная скамья и моя соседка по парте Валя Лученок. По телу разлилось сладкая истома, в голову ударила кровь, как и тогда на уроке геометрии, когда моя рука нечаянно коснулась её коленок. Я отдернул руку, словно её обожгло пламенем, боялся посмотреть на соседку, что бы не увидеть осуждения в её глазах, возмущения словесного. Однако ничего подобного не произошло — она вела себя так, словно ничего и не произошло. Наоборот, совсем спокойно меня она спросила, как доказать теорему Пифагора. Я воспринял это, как прощение моего греха и за это вдохновенно стал объяснять ей теорему Пифагора, при этом совсем близко приближая свое лицо к её лицу, улавливая её нежный аромат и ровное дыхание. Во мне подымалось какое-то новое неизвестное прекрасное чувство, от чего я

находился в приподнятом настроении.

Следующий урок был урок немецкого языка. Нам задали перевести текст с немецкого на русский со словарем. Мы работали быстро с вдохновением, наши головы наклонялись над словарем и касались друг друга, придавая нам энергии и желания сделать перевод быстрее и лучше. В результате мы сделали первыми перевод текста, я нетерпеливо потянул руку вверх. Людмила Денисовна сказала: «Молодцы», но не стала слушать наш перевод, а поставила нам «отлично». Я по дружески хлопнул Валентину по плечу, она ответила мне ладонью в грудь, словно, подтверждая, что мы стали по-особенному близки.

На следующий день мы снова сидели рядом, только сидели намного ближе друг к другу, что бы чувствовать плечо друг друга, и чувствовать биение сердец. Вдвоем нам было очень хорошо, мы поддерживали друг друга, заботились друг о друге. Я помню какие вкусные пирожки с яблоками приносила Валя мне, она говорила, что сама их пекла. А я ей преподносил в ответ шоколадную конфетку. Правда, наши дружеские отношения не перерастали во что-то большое, потому как сердце мое принадлежало первой красавице класса Любе Войтюк, к которой я боялся подойти, сказать слово, но которой бредил во сне и наяву. Потом был выпускной класс, мы расстались, дружеские

отношения еще поддерживали в нас интерес друг к другу — иногда мы встречались, что бы поговорить о том, о сем, поздравляли друг друга с праздником. Но со временем и эта связь оборвалась, мы потеряли детскую привязанность, ибо появились совсем другие отношения, интересы. И вот письмо. Знакомый почерк, хотя прошло много лет, её красивый каллиграфический почерк, меня всегда удивляла разница между красивым письмом девушек и каракулями мальчишек. Почему это так заложено в природе.

Прошло много времени прежде чем мне удалось немного успокоить Нину Петровну и расспросить о том, что случилось. Из её путанного рассказа я понял, что Валя утонула в речке, оттуда её случайно вытянул рыбак сетью. Приезжали врачи, приезжала милиция. Они постановили в результате расследования, что Валя кончила жизнь свою самоубийством — бросилась в речку и утонула.

— Но я не верю, что она сама бросилась в воду. Она не могла этого сделать сама.

— Почему вы так думаете? — спросил я.

— Миша, ты же хорошо знал Валу, она всегда была оптимистка. Вы ведь дружили, я думала... Ты был хорошим мальчиком. Если б...

Её слова прозвучали, как упрек мне, словно, я был виноват в её смерти. Но разве можно делать

упреки за те годы ранней юности, когда чувства только зарождаются, и ты только вступаешь в сферу взрослой жизни. Да, ведь между нами ничего не было, мы не переступали границу дозволенного, а мне вот упрек такой закидают. Мне стало очень неприятно, поэтому я прервал Нину Петровну.

— Нина Петровна, а как Валентина вела себя накануне этого?

— Нормально она себя вела. Как обычно.

— У неё были какие-то неприятности?

— Не было у неё никаких неприятностей.

— А почему же она мне прислала письмо?

— Какое письмо?

— К сожалению, я его не взял с собой. Но я получил от неё письмо, примерно, месяц назад, в котором она просила приехать к ней, что бы она открыла какую-то тайну.

— Тайну?

— Да, тайну. К сожалению, я не смог приехать сразу.

Я снова чувствовал себя виноватым, что не приехал, что не помог по старой нежной дружбе, возникшей там за школьной скамьей — связь которая остается на всю жизнь. Пройдут годы, сменятся увлечения, перегорят чувства, но те первые нежные прикосновения, первые открытие новых чувств и впечатлений останутся на всю жизни. И тот человек останется в сердце на всю

жизнь. Только нет сейчас этого человека, и в том есть и немного моей вины. Если бы...

— Да, у меня выборы там были. Депутаты. Всякое разное.

— А почему Валя обратилась к тебе?

— Не знаю. Мы с ней несколько лет не общались.

— Я поняла. Ты был для ней последней надеждой. У неё не было к кому обратиться. Ты знаешь, у нас здесь такие люди злые живут. Они все на Валю зуба имели. Ведь Валя у меня такая была. Такая... Но ведь ты знаешь какая она была, вы ведь дружили.

Снова мне нож в сердце, и за что. Только, что сидели рядышком на парте, да решали вместе задачки по математике. Неужели мне теперь всю жизнь нести этот крест.

— Нина Петровна, а когда вы в последний раз видели Валю?

— Перед тем, как она исчезла. Ушла и не вернулась.

— Куда ушла?

— Не знаю. Она мне никогда не говорила. Взрослая ведь была. Не делилась она со мной своими проблемами. То ли грустная была, то ли веселая. Но в тот последний вечер, она была в хорошем настроении, даже песню напевала.

— Какую?

— Вот эту... Как её?... Пугачева поет об розах.

— Миллион алых роз...

— Да, точно. Про миллион роз пела она, оделась очень нарядно и на высоких каблукках побежала на улицу. Если б я знала... Если б я знала, то никуда бы её не отпустила.

— А к кому она побежала?

— Не знаю. Она мне ведь ничего не говорила.

Больше я ничего не смог узнать от Нины Петровны толкового о расследовании преступления, и потому я ушел от неё, не зная, что предпринять. Шел без цели, без всякой мысли, а ноги сами привели меня на кладбище, к её могиле. Маленький холмик, и цветы, цветы вокруг. Они даже не увяли ещё, и мне мелодия пришла на память: «Миллион, миллион алых роз.»

- Вот где получила Валя эти цветы. — подумалось мне и слезы сами побежали по щеках. Мне не верилось, что здесь, под слоем земли лежит та девушка, с которой мы сидели за партой, случайное прикосновение которой порождало вулкан эмоций. «Нет, этого не может быть.» — стоял гул в голове, — «Если бы...»

Она писала о своей жизни, жаловалась на некоторые обстоятельства, а в конце просила меня приехать — она хочет мне поведать некую тайну, очень важную, добавила в конце. Конечно, я не мог

не откликнутся на это письмо из прошлого, но, к сожалению, шла предвыборная компания — время очень драгоценное для журналиста, когда он очень востребован для кандидатов в депутаты. Надо писать хвалебные отклики от неизвестных читателей на кандидата или собирать компромат на его соперника. Впрочем, тут так всё запутано, что сегодня в одной газете ты хвалишь депутата за проделанную работу, а в другой уже под другой фамилией ты ругаешь его за бездеятельность, алчность. Что поделаешь — такой закон джунглей, а деньги нужны всем. Тем более, что знаешь, что все предвыборные обещания депутатов, их программы это сплошная большая ложь, а мы только аккуратно развешиваем лапшу на уши избирателям.

Короче, я смог вырваться в свои родные места, откуда пришло последнее письмо Валентины только через месяц. Я с автобуса пошел прямо к ней домой. Там встретила ее старенькая мама Нина Петровна в черном платке и сильно постаревшая. Когда я спросил её, где Валя, то она мне ответила, что Вали нет, и зарыдала так, что у меня по телу мурашки побежали.

Прошло много времени прежде чем мне удалось немного успокоить Нину Петровну и расспросить о том, что случилось. Из её путанного рассказа я понял, что Валя утонула в речке, оттуда

её случайно вытянул рыбак сетью. Приезжали врачи, приезжала милиция. Они постановили в результате расследования, что Валя кончила жизнь свою самоубийством — бросилась в речку и утонула.

- Но я не верю, что она сама бросилась в воду. Она не могла этого сделать сама.

- Почему вы так думаете? — спросил я.

- Миша, ты же хорошо знал Валью, она всегда была оптимистка. Вы ведь дружили, я думала... Ты был хорошим мальчиком. Если б...

Её слова прозвучали, как упрек мне, словно, я был виноват в её смерти. Но разве можно делать упреки за те годы ранней юности, когда чувства только зарождаются, и ты только вступаешь в сферу взрослой жизни. Да, ведь между нами ничего не было, мы не переступали границу дозволенного, а мне вот упрек такой закидают. Мне стало очень неприятно, поэтому я прервал Нину Петровну.

- Нина Петровна, а как Валентина вела себя накануне этого?

- Нормально она себя вела. Как обычно.

- У неё были какие-то неприятности?

- Не было у неё никаких неприятностей.

- А почему же она мне прислала письмо?

- Какое письмо?

- К сожалению, я его не взял с собой. Но я получил от неё письмо, примерно, месяц назад, в

котором она просила приехать к ней, что бы она открыла какую-то тайну.

- Тайну?

- Да, тайну. К сожалению, я не смог приехать сразу.

Я снова чувствовал себя виноватым, что не приехал, что не помог по старой нежной дружбе, возникшей там за школьной скамьей — связь которая остается на всю жизнь. Пройдут годы, сменятся увлечения, перегорят чувства, но те первые нежные прикосновения, первые открытие новых чувств и впечатлений останутся на всю жизни. И тот человек останется в сердце на всю жизнь. Только нет сейчас этого человека, и в том есть и немного моей вины. Если бы...

- Да. у меня выборы там были. Депутаты. Всякое разное.

- А почему Валя обратилась к тебе?

- Не знаю. Мы с ней несколько лет не общались.

- Я поняла. Ты был для ней последней надеждой. У неё не было к кому обратиться. Ты знаешь, у нас здесь такие люди злые живут. Они все на Валю зуба имели. Ведь Валя у меня такая была. Такая... Но ведь ты знаешь какая она была, вы ведь дружили.

Снова мне нож в сердце, и за что. Только, что сидели рядышком на парте, да решали вместе